

РУССКИЙ БЕСТСЕЛЛЕР

Николай
ЛЕОНОВ
Алексей МАКЕЕВ

Самое

бессмысленное

убийство

МОСКВА

2023

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44
Л47

Оформление серии *В. Щербакова*
Иллюстрация на обложке *В. Нартова*

Леонов, Николай Иванович.
Л47   Самое бессмысленное убийство / Николай Леонов, Алексей Макеев. — Москва : Эксмо, 2023. — 320 с. — (Русский бестселлер).

ISBN 978-5-04-172912-7

В больничном саду обнаружен труп обитательницы дома престарелых. На первый взгляд, дело обычное: восьмидесятилетняя женщина умерла естественной смертью от своих старческих болезней. Но полковник МВД Лев Гуров не согласен с этой версией. Положение тела и беспорядок в одежде указывают на то, что покойную обыскивали. Возможно, это сделал случайный свидетель смерти или даже... убийца. Гуров изучает окружение жертвы и неожиданно узнает давнюю и очень трагическую историю...

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-04-172912-7

© Макеев А.В., 2022
© Оформление. ООО «Издательство
«Эксмо», 2023

ГЛАВА 1

Болезнь всегда плохо. Впрочем, болезнь болезни рознь. Бывает болезнь серьезная, вызывающая уважение, то есть такая болезнь, что с ней, хочешь того или не хочешь, приходится считаться. Ты идешь к доктору, от него — в аптеку, где покупаешь прописанные доктором лекарства, отправляешься домой, ложишься в постель и стоически ждешь, пока лекарства вступят в схватку с болезнью и одолеют ее. Ты, значит, лежишь в постели, страдальчески смотришь в потолок, а родные и близкие то и дело подбегают к тебе, чтобы пощупать лоб, поправить подушку, уточнить, не забыл ли ты принять предписанное лекарство или не хочется ли тебе чего-нибудь вкусенького. В общем, сценарий болезни известный.

Бывает, конечно, и по-другому, когда доктор выдает тебе категорическое предписание не шутить с собственным здоровьем, а прямо из его кабинета отправляться в больничную

палату. И ты, удрученно разведя руками, повинешься, потому что — куда тебе деваться? В самом деле — шутить с собственным здоровьем себе дороже.

Но бывает болезнь подлая и коварная. Главное дело, весь организм у тебя работает как часы, четко и слаженно, а в каком-то одном месте случается казус. Например, вдруг у тебя заболела поясница. Да притом так сильно, что ни согнуться, ни разогнуться, ни вздохнуть, ни охнуть. И главное, непонятно, отчего с тобой приключилась такая беда, надолго ли она и как от нее избавиться. Вроде и жаловаться стыдно на такое несерьезное недомогание, а с другой стороны — и рукой-то на него не махнешь, потому как — мешает, раздражает и отвлекает от работы, да и от всех прочих дел. Допустим, беседуешь ты с каким-нибудь человеком по каким-то служебным вопросам, а сам согнут крюком. Ну какая же это беседа и какой от нее прок? Да и вообще — ни в служебное кресло толком не сядешь, ни в служебную машину, а чтобы вылезти из машины — тут и вовсе говорить не приходится. Сплошное мучение! А если к тому же придется прилагать какие-то физические усилия и предпринимать энергичные телодвижения? Вот то-то и оно. Вроде бы и несерьезная болезнь, а с другой стороны, и отмахнуться от нее нет никакой возможности. ■ Только и думаешь о ней, окаянной.

Вот как раз такая-то беда и приключилась со старшим оперуполномоченным по особо важным делам Главного управления уголовного розыска Министерства внутренних дел России полковником Львом Ивановичем Гуровым. Что интересно, еще утром никакой боли Лев Иванович нигде не чувствовал, он, как обычно, был энергичен и деятелен, а вот ближе к обеденному времени... Да притом так неожиданно, будто в Гурова кто-то выстрелил и попал akurat в поясницу! Лев Иванович только охнул и согнулся пополам, а уж разгибался он долго, мучительно, в двадцать четыре приема. Сначала он надеялся, что это всего лишь какая-то мгновенная шалость организма и боль скоро отпустит, но не тут-то было. Боль уходить не желала. Когда Гуров находился в состоянии покоя, боль особо не ощущалась, но стоило ему шевельнуться или хотя бы глубоко вздохнуть, как боль тотчас же возникала вновь, и казалось, каждый ее новый приступ становится сильнее предыдущего. Одно лишь было хорошо — что все это случилось в рабочем кабинете, а не на виду у людей. А то ведь получился бы конфуз: сыщик Гуров, согнутый в четыре погибели... Жалкое зрелище.

Да, но что же делать? Лев Иванович никогда особо не обращал внимания на свое здоровье, он не любил жаловаться на болячки и тем более лечить их. Он исходил из принципа «поболит

и перестанет», и надо сказать, что до сих пор принцип действовал. Но на этот раз, похоже, он дал сбой. Потому что болело и не переставало.

Гуров с трудом извлек из кармана мобильный телефон и, безмерно страдая, нашел в нем номер верного друга, коллеги и соратника Станислава Крячко.

— Стас, ты где? — простонал Лев Иванович в трубку.

— Блуждаю в лабиринтах нашего мрачного заведения, — в своем обычном шутилом стиле ответил Крячко. — Увлекательное, доложу, занятие! А что такое?

— Бросай свои блуждания и беги в кабинет, — сказал Гуров.

— Возникло дельце? — поинтересовался Крячко.

— Еще какое, — поморщился Гуров. — Вот, сижу и радуюсь... Хочу, чтоб и ты порадовался.

— Уже бегу, — сказал Крячко и отключил связь.

Спустя минуту он влетел в кабинет.

— Несмотря на ужасающую запутанность наших конторских коридоров... — начал он и осекся. — Э, да что с тобой? На твоём лице просто-таки мировая скорбь! Что случилось?

— Да вот, — нехотя сказал Гуров, — прихватило. Ни разогнуться, ни вздохнуть... Поясница...

— М-да... — почесал в затылке Крячко. — Диагноз неприятный, что и говорить. Сам не испытывал, но слышать и наблюдать приходилось. А может, само пройдет?

— Может, и пройдет, — с сомнением ответил Гуров.

— А что, если поделаться гимнастику? — предложил Крячко. — Ну, попрыгать, поприседать, наклониться... Вдруг поможет?

— Посоветуй еще повилать бедрами и поплясать вокруг шеста! — огрызнулся Лев Иванович. — Сказано тебе — прихватило!

— Да, слово емкое и вызывающее уважение, — согласился Крячко. — А тогда — поезжай-ка ты домой. Ляг на диван, и пускай твоя Мария над тобой поколдует. Она это может, я знаю. Ну, даст какую-нибудь мазь, порошок, сделает припарку...

— Придется, — раздраженно проговорил Гуров. — Какой из меня работник при такой болезни?

— Вот и поезжай, — приободрил Гурова Крячко. — Сейчас я вызову дежурную машину, бережно тебя в нее погружу и — привет супруге Марии. В общем, лечись. А насчет трудов наших скорбных не беспокойся. Я потружусь за двоих. Нам не привыкать.

Гуров с угрюмым видом пожал плечами, набрал номер телефона жены и коротко доложил ей суть приключившейся с ним оказии. Мария

заохала, забеспокоилась и сказала, что тотчас же едет домой — несмотря на то что сейчас в театре репетиция и она играет в спектакле одну из главных ролей. На том и порешили.

Дома Мария уложила супруга на диван и намазала ему поясницу какой-то мазью. Постепенно боль почти утихла, и Гуров приободрился.

— Вот, — сказал он жене, — и конец моим страданиям. Сегодня отлежусь, а завтра — на работу. Подумаешь, поясница!

— Ну-ну, — с сомнением сказала Мария. — Не думаю, что все так просто.

Она оказалась права. В течение вечера и ночи боль периодически возвращалась к Гурову. Когда он лежал неподвижно, было еще терпимо, но когда пытался шевельнуться, а тем более повернуться на другой бок, боль давала о себе знать самым беспощадным образом.

— А ты говоришь — отлежусь и на работу, — укорила Гурова жена. — Сколько раз я тебе говорила, относись к своему здоровью серьезнее! Куда там! Для тебя важнее поймать какого-нибудь очередного бандита, чем прислушиваться к моим словам! Вот и доигрался!

Гуров хотел что-то возразить жене, но не нашел что сказать и лишь сокрушенно махнул рукой. Да и что тут скажешь, когда жена права?

Дождавшись утра, Мария вызвала Михаила Семеновича — семейного доктора. Михаил

Семенович прибыл очень скоро. Он был преклонного возраста, но подвижен и энергичен.

— Ну и что тут у нас? — спросил он бодрым голосом. — Кто больной? Чем больной? Почему больной?

— Да вот, — указала Мария на лежащего на диване супруга. — Поясницу ему прихватило. Еще вчера. И не отпускает до сих пор.

— Ай-ай-ай, — огорченно произнес Михаил Семенович. — Поясницу! Еще вчера прихватило! Ну-ка, ну-ка... Голубушка, помогите вашему супругу раздеться до пояса. Мне надо произвести осмотр.

Кряхтя и морщась, Гуров с помощью жены снял одежду. Доктор тем временем вымыл руки и приступил к осмотру.

— Так, так, так, — приговаривал он, быстро и ловко пробегая пальцами по пояснице, а заодно и по всей спине Гурова. — Вот так болит? А вот так? А если я нажму вот сюда — больно?

Больно было везде, куда нажимал доктор, о чем Гуров ему каждый раз и сообщал.

— Ну что я вам скажу, батенька, — в старорежимном стиле выразился Михаил Семенович. — Плохи ваши дела. Да-да-да! Неважны. Хондроз поясничного отдела — вы слышали или нет такие страшные слова? Причем в запущенном состоянии. В крайне запущенном, вот ведь какое дело! Придется серьезно лечиться.

— А как же работа? — жалобно спросил Гуров. — У меня работы невпроворот.

— Работа была и будет всегда, а здоровье — одно! — решительно возразил доктор. — Так что — никакой работы! Лечиться, лечиться и еще раз лечиться. Сейчас я выпишу рецепт, а вы, голубушка, — доктор посмотрел на Марию, — будьте так любезны приобрести все эти лекарства в аптеке. И будьте ему сиделкой и нянечкой. Ведь он у вас, я так понимаю, неслух?

— Еще какой! — подтвердила Мария.

— Вот видите. А между тем болезнь серьезная. Если ее не лечить, могут быть последствия! — Доктор с важным видом поднял палец. — Печальные последствия. А вы, голубчик, — теперь он посмотрел уже на Гурова, — еще такой молодой человек. Зачем вам и сама болезнь, и тем более последствия? Так что лечиться нужно самым серьезным образом. Да.

— И сколько времени? — прежним жалобным тоном поинтересовался Гуров. — Двух дней хватит?

— Он мне говорит, два дня! — всплеснул руками доктор. — Голубчик! Две, а то и три недели — самое меньшее!

— Доктор, вы назвали невообразимые сроки! — ужаснулся Гуров. — Какие две, а тем более три недели! Говорю же, у меня работа! ■ Срочная. Безотлагательная.

— Ничего страшного, — успокоил пациента доктор. — Уверяю вас, что если вы не сделаете какое-либо срочное и безотлагательное дело, мир от этого не рухнет. Ведь не рухнет же?

— Ну... — с сомнением произнес Гуров.

— Вот видите. Так что смотрите на вещи проще. Тем более что названные мною три недели отводятся только на начальный этап лечения. За это время у вас исчезнут лишь острые симптомы, а вот сама болезнь — ни-ни! А потому вам придется лечиться и дальше. Иначе в любое время возможен рецидив.

— Лечиться дальше? — в ужасе произнес Гуров. — Доктор, вы сейчас произнесли невозможные слова!

— Да-да-да! — категорически заявил Михаил Семенович. — Именно так — лечиться дальше! Ибо хондроз — вещь крайне неприятная. И если к ней относиться легкомысленно, у вас непременно наступит болезненная и безрадостная старость. Скажите, вы хотите, чтобы у вас когда-нибудь наступила безрадостная старость?

— Да, в общем, не очень... — нерешительно произнес Гуров.

— А тогда прислушайтесь к моему совету. После того как первичные симптомы будут сняты, я вам категорически рекомендую для закрепления результатов побывать в санатории.

— Где? — переспросил Гуров.

— В санатории. Месяц пребывания в нем — и вы без опасения сможете пригласить свою даму на тур вальса. А также сумеете гоняться за вашими преступниками. Ведь вы, насколько я помню, следователь?

— Оперуполномоченный.

— Ну, тем более.

— Месяц в санатории! — От таких слов Гуров не мог прийти в себя. — Да что же мне там делать столько-то дней?

— Выполнять предписания лечащих врачей, — пожал плечами доктор. — Что же еще? Ну и, конечно, отдыхать. Наслаждаться курортными видами. А они, уверяю вас, там просто чудесны.

— Да где же он находится, этот санаторий? — От слов врача Гуров расстраивался все больше и больше.

— Не так и далеко, — сказал доктор. — В соседней области. — Всего два часа езды от Москвы. Ну, или около этого... Так что вы, голубушка, — доктор взглянул на Марию, — всегда можете навестить вашего мужа. Замечательный санаторий. Прекрасные невропатологи. И, что немаловажно, стоит путевка совсем недорого.

— Дожил полковник Гуров! — с нотками печального сарказма произнес Гуров. — Его отправляют лечиться в санаторий, где лечат нервных больных. Об этом печально даже подумать! Гуров — болен нервной болезнью...

— Не понимаю причины вашей иронии, — заметил доктор. — Голубушка, объясните ему сами. Кажется, мы думаем с вами одинаково.

— Раз доктор сказал, что надо ехать в санаторий, значит, надо ехать в санаторий! — решительно проговорила Мария. — Какие могут быть разговоры и сомнения? Или ты хочешь, чтобы печальная старость наступила у нас обоих? Ты будешь сидеть в инвалидном кресле, а я — за тобой ухаживать? Так ты мыслишь нашу совместную старость?

— Нет, что ты! — уверил жену Гуров. — На этот счет у меня совсем другие планы...

— Значит, поедешь в санаторий, — уже спокойнее произнесла жена. — Как только тебе станет легче, так и поедешь. А я буду тебя навещать. И звонить. Да и вообще: месяц — это немного. Не успеешь и руками развести...

— Истинно так, голубушка, истинно так! — поддержал Марию доктор. — Золотые ваши слова. Ну, так я выписываю рецептик, а заодно пишу и адрес санатория!

— Пишите! — решительно произнесла Мария, а Гуров лишь вздохнул.

— Алло, Станислав, — жалобным голосом сказал в телефонную трубку Гуров. — Мне конец. Меня приговорили...

— Надеюсь, не к утоплению в море с камнем на шее? — поинтересовался Крячко.

— Хуже. К санаторию. Сроком на целый месяц. И это не считая двух, а то и трех недель лечения дома. Ввиду моего хондроза. Ты представляешь?

— И что именно я должен представить? — вкрадчиво поинтересовался Крячко.

— Мою печальную ситуацию, — пояснил Гуров.

— А в чем заключается эта самая печаль?

— Ну, как же... Почти два месяца безделья! С ума сойти! В общем, мне нужна твоя помощь.

— Ну, так я же не доктор, — усмехнулся в трубку Крячко. — Чем же я могу помочь?

— Отмажь меня от санатория, — попросил Лев Иванович. — Прощу тебя как старого друга.

— И как же? — В голосе Крячко чувствовалась уже просто змеиная вкрадчивость.

— Скажи жене, что на работе у нас завал, — предложил Гуров. — И что без меня этот завал не разгрести ну просто никак. Тебя она знает и потому поверит. А уж за мной дело не станет. Отблагодарю по полной программе.

— И это все? — весело поинтересовался Крячко.

— Все! — решительно произнес Лев Иванович.

— А вот фиг тебе! — сказал Стас. — Даже и не подумаю! И даже стану всячески убеждать твою Марию, чтобы она обязательно отправила тебя под звонкие фанфары в санаторий.

— Да что ты такое говоришь! — ужаснулся Гуров. Чего-чего, а такого откровенного вероломства он от Крячко никак не ожидал.

— То и говорю, — спокойно сказал Стас. — Более того, привлеку к этому делу самого генерала Орлова. Он мужик с понятием и потому поймет, что отдых в санатории для твоего же блага. А уж как он умеет уговаривать, ты это знаешь не хуже моего.

— И это называется друг! — с горечью в голосе произнес Гуров.

— А то кто же, — с прежним спокойствием сказал Крячко. — Конечно, друг. Оттого и поступаю по-дружески. А с завалами на работе я как-нибудь справлюсь и без тебя. Завалы есть и будут, а здоровье у тебя одно.

— Да ты послушай...

— Скажи, ты когда-нибудь был в больнице? — перебил Гурова Крячко.

— Ну, конечно, был, — буркнул Лев Иванович. — Когда меня подстрелили...

— Это понятно, — опять перебил приятеля Стас. — А так, чтобы по своей воле, с какой-нибудь болячкой — был или не был?

— Ну, не был...

— Значит, не был. Ну, а в санаториях бывал?

— Да при чем тут санаторий!..

— Вот и побудь. Друг у меня один — ты, и я хочу тебя видеть здоровым и бодрым, а не скрученным, как крендель... А я тебя буду

навещать — со скорбным видом и с апельсинами в авоське. Потому что так полагается — и скорбный вид, и апельсины в авоське. Ну, убедил? Или мне призвать на помощь тяжелую артиллерию в виде генерала Орлова?

— Да пошел ты...

— Сам иди по этому адресу! А еще лучше — поезжай в санаторий!

Гуров в сердцах отключился от связи и предался скорби. По всему выходило, что санатория ему не миновать. Тем более что поясница по-прежнему продолжала ныть, сверлить, стрелять и всячески донимать Льва Ивановича.

ГЛАВА 2

— Так это и есть ваш хваленый санаторий? — с неудовольствием спросил Гуров у какой-то дамочки в белом халате, которая вышла на крыльцо, чтобы встретить его.

— Да, — ответила женщина. — Это он и есть. Называется «Сосновый бор».

— Хм! — ядовито сказал Гуров.

У него было прескверное настроение. Ему не нравился ни сам санаторий, ни его название, ни крыльцо, на котором он стоял и разговаривал с женщиной в белом халате, ни сама женщина. Он не нравился даже сам себе. Даже чудная, выкрашенная в голубые и желтые цвета

окрестная октябрьская природа и та ему сейчас не нравилась. Даже утренний свежий октябрьский воздух и тот вызывал в нем раздражение.

— Н-да! — сказал он еще ядовитее.

— Успокойся, — шепнула Льву Ивановичу жена. — И веди себя прилично.

Мария приехала в санаторий вместе с мужем, чтобы самолично разузнать, что здесь и как, а то ведь от Гурова разве дождешься внятных разъяснений относительно его здоровья. Вместе с женщиной в белом халате они прошли в вестибюль. Здесь их встретила другая женщина, также в белом халате.

— Пройдемте со мной, — сказала она Гурову. — Я покажу вам вашу палату.

— Палату! — с раздражением произнес сыщик. — Хорошо, что не камеру!

— Ну, ваш номер. Или комнату, — улыбнулась женщина. — Называйте как хотите.

— Если бы дело было в названии! — буркнул Гуров.

— А в чем же? — взглянула на собеседника женщина.

— В сути, — кратко пояснил Лев Иванович. — Ну, ведите меня в мою камеру!

Мария, которая пошла вместе с Гуровым, ткнула ему в бок кулачком и шепнула:

— Где же твое хваленое хладнокровие, Лев Иванович? Прими происходящее как данность, и тебе сразу же станет спокойнее!

— А! — в отчаянии махнул рукой Гуров.

— Вот, — сказала женщина в халате, подходя к какой-то двери. — Ваша палата... то есть, я хотела сказать, номер... в общем, здесь вы будете жить. Номер рассчитан на двух жильцов, но соседа у вас не будет. Сейчас осень, — пояснила она, — а в это время пациентов у нас не слишком много. Так что никто вас беспокоить не будет. Ну, располагайтесь.

Женщина вышла, а Гуров осмотрелся. Номер как номер — вполне приличный и даже уютный, с телевизором, холодильником, двумя кроватями, двумя креслами и небольшим столиком у широкого окна. За окном виднелись и беззвучно качались под ветром деревья с желтой листвой.

— По-моему, неплохо, — бодрым тоном произнесла Мария. — Так что ты, Гуров, не дури и не хандри. Лечись. Сам ведь понимаешь — надо.

— Вот так она и подкрадывается... — угрюмо произнес Гуров.

— Кто? — не поняла Мария.

— Старость, — сказал Гуров. — Шаг за шагом, незаметно... И ты хоть лечись, хоть не лечись, а она все равно все ближе и ближе. Так для чего, спрашивается, лечиться? От старости лекарства нет.

— Ну вот, ударился в философию, — укоризненно произнесла Мария. — Ах, Лева, Лева!